

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

МЯ

24 марта 1988 г. ◆

НОВЫЕ ИМЕНА

...И ВСПОМНИЛ БОЙ У КИШЛАКА

Перестрелка, затихая, отдалялась. Мотострелки гнали «духов» в горы. На малой высоте прокатилось звено «вертушек» — вертолетчики шли на помощь.

Насриддин привычно забросил за спину раскалившийся от стрельбы автомат, выбрался из окопа — когда-то сами ребята отрыли его неподалеку от клуба на случай налетов. Место спокойное, хотя до Джелалабада рукой подать: чуть заведет — жди обстрела. Тех, кто цепляется за старые порядки, раздражает клуб, раздражает, что советские и афганские ребята вместе выходят на сцену, что дехкане соседних кишлаков видят: можно жить не так, как они жили до сих пор, — в глухом, беспросветном средневековье.

По дороге к клубу Насриддин рассказывал туляку Саше Луневу:

— Мне этот сад всегда напоминает наш кишлак Джуйбодом. А знаешь, почему? Я мальчишкой между такими же деревьями устроил сцену и концерты для соседей закатывал. Приглашал чуть не весь кишлак и пел песни, которые крутили по радио. Мать очень гордилась, что мне аплодируют, как настоящему артисту. А потом, когда меня первый раз по телевизору показывали, даже всплакнула... Жаль, отец не дожил...

— Так он же у тебя вроде и не старым был...
— Он с войны инвалидом пришел. Пехота... Сам знаешь, сколько они хлебнули. Вот и сказалося.

Вернулись в клуб. Отложили в сторону автоматы. Наскорому умылись. И опять зазвучали со сцены песни и стихи, вышли в круг танцоры: русские и пуштуны, украинцы и таджики — каждый хотел себя показать.

А после концерта, как и всегда, — разговоры о доме и близких, о прошлой работе. Насриддин Нуритдинов любил вспоминать учебу в ГИТИСе, своих московских преподавателей. Увлекаясь, показывал в лицах отрывки из студенческих «капустников» и курсовых спектаклей, изображал ребят Афанди — любимого своего героя из спектакля «Гадающий Афанди». Он играл его в Молодежном театре в Душанбе до приезда сюда.

Почему после учебы в Москве и службы в армейском ансамбле он, перспективный актер, оставил театр и добровольно поехал в Афганистан? Неужели не волновалась жена? Нет, Сабахат волновалась — все-таки у них дети. Но не отговаривала. Помнила, каким возбужденным приходил он домой после встреч со знакомыми ребятами, вернувшимися оттуда, рассказывал о них, «примеряя» на себя: а смог бы, не испугался бы?

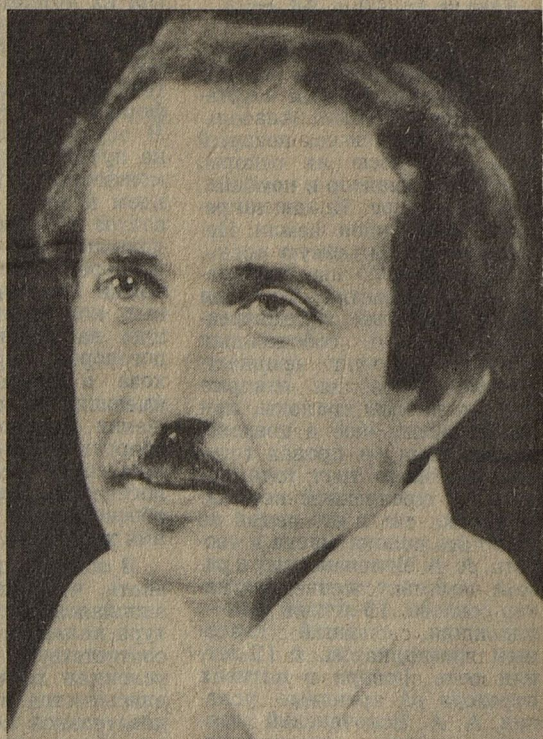
Наверное, каждому человеку надо проверить себя сложной обстановкой, даже тяготами, если он хочет знать, на что способен. А в той, афганской жизни — он чувствовал это из рассказов очевидцев — требуются не только благие намерения и красивые слова, а поступки, дела. Суть людская всегда проверяется делом. Опасность — особенно.

Когда приехал в Афганистан, больше всего поразили его не стрельба, не взрывы, не заминированные тропы и дороги, даже не «калашников» в изголовье кровати... К этому здесь привыкают быстро. А вот темнота, почти поголовная неграмотность, доставшиеся афганцам в наследство от прошлого, — с этим смириться было трудно, попросту невозможно. И Нуритдинов работал чуть ли не круглосуточно, как, впрочем, и его товарищи, прибывшие выполнять интернациональный долг на афганскую землю.

В репортажах из Афганистана много рассказано о летчиках и мотострелках, саперах и десанниках. О буднях учителей, медиков, строителей, переводчиков, людей других мирных профессий написано до обидного мало. А им ведь не проще, если не сложнее, чем военным. И риск нередко такой же.

Он совсем не показной — героизм мирных наших соотечественников, посвятивших себя на несколько лет тому, чтобы на календаре каждой афганской семьи появился сегодняшний день, чтобы по-человечески жилось и этому старику-деханину, и этой женщине, еще не открывшей лица, и этому босоногому сироте в драных обносках...

...Раскладывая на столе свои награды за Афганистан — знак ЦК ВЛКСМ и КМО СССР «За укрепление мира, дружбы и солидарности молодежи», Почетные грамоты ЦК НДПА, ЦК Комсомола Таджикистана, министерства просвещения Афганистана, — он вспоминает сотни встреч, поездок, диспутов. Каждый в их группе, независимо от должности и профессии, был в первую очередь просветителем. На Насриддина Нуритдинова выпадала двойная нагрузка: будучи переводчиком, ни на минуту не забывал, что

он профессиональный актер, специалист театра.

Тут уж приходилось не только самому участвовать в концертах, но и помогать самодеятельным кружкам афганской молодежи. Иногда — не только в постановках пьесы, но и в ее создании. Сцены и эпизоды в таких спектаклях выходили такими же напряженными и жаркими, как и сама жизнь в республике.

Как буднично и даже формально звучит: «Оказывал помощь в организации художественной самодеятельности...». На афганской земле за этим — особые переживания, не ведомые в нашей устоявшейся, размеренной жизни. Это стремительный переход на броне из кишлака в кишлак. Это грохот фугаса под колесами БТР, который отбросит тебя от искореженной боевой машины на несколько десятков метров, и ты, очнувшись от боли в переломанных руках, увидишь, что товарищ, с которым только что шутил и смеялся, уже никогда не положит ладонь на твоё плечо. Это и хлеб, отданный голодному мальчишке, и глоток воды, который надо было уступить старику на пыльной, раскаленной обочине.

Каждый из побывавших в Афганистане вспоминает его по-своему. Но все возвращается с новым жизненным опытом, новым мироощущением. Не однажды поглядев в глаза смерти, человек становится глубже, отзывчивее, его искренне удивляет и возмущает, что кто-то может разминать бесценное время на склоны и дрязги, суетливое пустословие, карьерную возню. «Тебя бы туда!» — срывается порой у ребят, вернувшихся из Афганистана, когда встречаются они с несправедливостью и беспринципностью, с тем, что невозможно и недопустимо в обстановке, когда от надежности соседа зависят и успех боя, и успех дела.

Кабул, Джелалабад, Кандагар... Они остались в памяти Насриддина Нуритдинова не только как географические названия.

— Там у меня очень много настоящих друзей и даже, пожалуй, учеников. Афганские ребята после наших концертов и любительских спектаклей мечтают стать актерами, развивать национальный театр и кинематограф. Там понял я силу боевого братства, о котором говорю устами своего героя — украинца Миколы в телефильме «Сын Родины» по книге Мирзо Турсун-заде. В Афганистане судьба сводила меня со многими незаурядными людьми — хватило бы жизни рассказать обо всех со сцены и экрана.

Насриддин перебирает театральные программы спектаклей с его участием. Курбонхасиз в «Струнах любви» — эту работу Молодежного театра заметило Центральное телевидение. Коста Бурхадзе в «Свободной теме», Павка Корчагин, герои классической драматургии... Роли в кино? Пока, к сожалению, небольшие, но уже снялся на «Мосфильме». Жаль, студия «Таджикфильм» пока не приглашает. Да и снимают здесь в последнее время в основном исторические сюжеты, а хочется играть современников. Возможно, и тех ребят, с которыми сроднился в Афганистане.

...Он собирается на спектакль. Сегодня — особый день. Сегодня придут несколько ребят, с которыми он познакомился в бою под Джелалабадом в маленьком, затерянном в горах кишлаке.

В. ДОЛГАНОВ.

Фото М. Олимова.